

«...ПОМОГАЮТ ВЫЖИТЬ ТЕАТР И ТАБАКОВ»

– Проживая ту или иную роль, артист начинает испытывать на себе ее влияние. Как вы ощущаете влияние своих героинь в обычной жизни?

– По-разному. Это во многом зависит от роли. Поэтому не очень люблю играть не то что негативные роли, но я, скажем, не очень любила спектакль «Опасные связи», потому что есть роли, на которых ты внутренне растешь, а есть роли, которые тебя затачивают: Маркиза де Мартей из таких. Некоторым артистам удается противостоять своим ролям, а на меня они оказывают своеобразное действие. Во время репетиций таких ролей я в жизни становлюсь категоричнее и циничнее, чем есть на самом деле. Но потом, когда репетиции заканчиваются, я выздоравливаю. Но все же это очень болезненно. Наверное, поэтому я никогда не мечтала о Леди Макбет.

– Как же тогда Настасья Филипповна из «Идиота»?

– Это из тех ролей, в которых опускаешься в бездну и не находишь дна, чтобы оттолкнуться и выплыть. В Настасье Филипповне много нездоровья, душевного нездоровья. И все равно эта женщина приносит себя в жертву, чтобы Мышкин был счастлив. Я очень люблю эту роль, хотя это единственный спектакль, после которого я прихожу совершенно опустошенная. Достоевский писал об аномалиях, а аномалию здоровому человеку невозможно до конца ощутить. Ты можешь про- бовать что-то нащупать, но, наверное, только гений или нездоровый человек может до конца понять то, о чем писал Достоевский.

– В прошлом сезоне вы сыграли Юлию в «Последней жертве» и Елену Андреевну в «Дяде Ване». Эти роли кажутся этапными в вашей актерской судьбе. Вы сами довольны ими?

– Обе эти роли значимы для меня. История с «Последней жертвой» началась так: все запланированные премьеры Большой сцены МХТ в прошлом сезоне должны были выйти после Нового года. И надо было придумать какую-то работу, которую можно было бы выпустить в первой половине сезона. Остановились на «Последней жертве». Я же должна поблагодарить режиссера спектакля Еремина за то, что он назвал мою фамилию при распределении ролей. Наверное, Олег Павлович понимал, что я могу играть Юлию просто по раскладу труппы. Но если бы режиссер не назвал мою фамилию, я не стала бы просить эту роль. Работать над Юлией было интересно. Проблема для меня заключалась в том, что роль написана акварельными, нежными красками, в ней ухвачены почти не за что. Юлия у Островского ну такая хорошая, такая положительная! Как это играть?! Правда-правда! Помогал режиссер. Я очень рада, что познакомилась с Юрием Ивановичем Ереминым. Он рань-

ДМИТРИЙ ХРУЛОВ

ше мне казался человеком очень необщительным, немножко иностранцем и очень важным. А когда мы стали работать вместе, он для меня открылся как человек по-детски доверчивый, очень увлекающийся и увлекающий других. Помогло, что рядом был Олег Павлович Табаков. Между Юлией и Прибытковым происходит много такого, что очень сложно было бы сыграть, если бы партнером был малознакомый актер. Но у нас с Табаковым это «что-то» уже есть в отношениях. Мы не должны были преодолевать незнание партнера, что отнимает много сил. Что же касается результата, то мне приятно, что спектакль в целом получился. Это видно не только по реакции зрителя, но и по тому, как ведут себя за кулисами технические работники – монтировщики, костюмеры, гримеры. Они смотрят спектакль с интересом. Это очень важный показатель.

– Кажется, что в «Дяде Ване» режиссер Миндаугас Карбаускис практически лишает актера возможности импровизировать в роли. Это так?

– Не совсем, но я благодарна Миндаугасу, потому что со мной нечасто так кропотливо и подробно работали, как делал это он. Обычно мне много отдавали на откуп. Миндаугас как-то во время репетиций пошутил: «Мне кажется, что Елена Андреевна – это я. От меня все чего-то хотят». Карбаускис

Марина ЗУДИНА родилась 3 сентября 1965 года. В 1986 году окончила ГИТИС, где занималась в мастерской Олега Табакова. В том же году стала актрисой Московского театра-студии под руководством Олега Табакова («Табакерки»). Сегодня она, пожалуй, самая востребованная театральная актриса Москвы. Играет роли как классического, так и современного репертуара. Среди них – Агнесса в «Жаворонке», Люсиль в «Полоумном Журдене», Елизавета Александровна в «Обыкновенной истории», Эльмира в «Мифе о Дон Жуане», Любовь в «Последних», Мамаева в «На всякого мудреца...», Настасья Филипповна в «Идиоте». В кино дебютировала в 1985 году в фильме «Валентин и Валентина». На ее счету более 20 кинолент, среди них – «Возвращение Будулая» (1985), «Забавы молодых» (1987), «Дубровский» (1988), «Мордашка» (1990), «Исповедь содержанки» (1992). В 1995 году она была удостоена звания заслуженной артистки Российской Федерации.

предложил для роли Елены Андреевны рисунок, основанный на музыке фраз, до мельчайших деталей продуманный. Моя ошибка на премьерке была, вероятно, в том, что я не до конца заполнила этот рисунок собой. Я была очень увлечена формой и, вероятно, внутренне от этого была скована. Это на самом деле касается не только меня, но и спектакля, который по-настоящему родился гораздо позже, чем была премьерка. Только сейчас спектакль начинает набирать те обороты, которые должны были быть с самого начала.

Мне было интересно сыграть именно такую Елену, нерешительную, чуть-чуть жеманную, не идеальную. И когда критики недоумевают по поводу того, что как же в такую холодную женщину можно влюбиться, мне хочется сказать: «Посмотрите вокруг!

Сколько красивых женщин не идеальных, не героинь, не совершенных, и сколько у них поклонников лишь потому, что они красивы! Почему же на сцене все должны быть идеальными?». Мне было немного обидно, что не все критики поняли то, как Миндаугас решил Елену. Елизавета Исааковна Котова, легендарный завлит старого «Современника», рассказывала мне, что когда их учили профессии театрального критика, то отдельной темой была отрицательная рецензия, и им объясняли, что нельзя забывать про то, что артистам после этой отрицательной рецензии надо выходить на сцену и играть. А сейчас, мне кажется, критики пишут друг для друга, желая утвердиться, привлечь внимание к себе и так далее. А артисты потом читают и думают: про что это они вообще говорят?